

Е. К. Апареева, К. И. Красильников
(Луганск)

ПОДВОРЬЯ КАК ПРИЗНАК ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Авторы рассматривают различные типы селищ оседлого населения степной части салтово-маяцкой культуры и в зависимости от особенностей их материальной структуры подразделяют на закрытые комплексы, дворы, подворья. Большое внимание уделено рассмотрению вопросов, связанных с зерновым хозяйством как основой экономики, и особо — участкам коллективного пользования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: салтово-маяцкая культура, Хазарский каганат, хозяйственный уклад, инфраструктура поселений.

ПРОБЛЕМЫ ТЕМЫ

Хозяйственный потенциал салтово-маяцкой культуры (СМК) обычно рассматривают не как комплексное явление жизни населения в структуре Хазарского каганата, а зачастую как отдельные отрасли: земледелие, ремесла, промыслы, скотоводство. В суждениях о них в основном ссылаются на раскрытые постройки, приспособления в них, найденные орудийные комплексы, относящиеся к названным отраслям. Традиционно более всего привлекало внимание сельское хозяйство и его составляющие, связанные с землеобработкой, зернопроизводством, по остеологическим данным скотоводство. Значительно меньше информации по хранению, утилизации продуктов, совершенно мало сведений из палеоботаники, палеозоологии, в целом палеоэкономических данных касающихся возможностей хозяйственного потенциала с учетом физико-географических условий местонахождения поселений.

Справедливости ради следует заметить, что в последнее время в салтоведении обозначился интерес к региональному анализу хозяйства. В данном случае речь идет о лесостепной зоне СМК и опыте исследования хозяйственного ук-

лада алано-славянского этноса [Колода, Горбаненко, 2010]. Предложенные направления поисков, естественно, порождают вопросы, одни из которых обозначают проблемы, другие рабочие гипотезы. К числу первых, в контексте хозяйственной темы, относим — содержание «приселищных хозяйственных зон» [Колода, Горбаненко, 2010, с. 54, 61, 73, 94 и сл.]. В них, исходя из фондов «старопахотных земель», авторы определяют ресурсные возможности, допустимую урожайность, виды злаковых культур и другое. К числу рабочих гипотез относим орудийные комплексы, необходимые в зернопроизводстве. К примеру, среди перечня орудий земледелия неоднократно упоминают «мотыжки», изделия широко известные в СМК. Судя по условиям их обнаружения в погребениях, следам, сохранившимся на стенах могил, котлованов полуземлянок, мергельных строительных блоков, плах, наконец, способу крепления к древку и другим признакам, вряд ли миниатюрную мотыжку следует относить к числу орудий, с помощью которых рыхлили почвы под посевы [Михеев, 1985, с. 38—39; Колода, Горбаненко, с. 33, 65, 78, 128—130 и др.].

Мотыжки, но не тяжелые мотыги, как землеройный инструментарий обозначены И.М. Артамоновым [Артамонов, 1958, с. 43, рис. 29, 1], И.И. Ляпушкиным [Ляпушкин, 1958, с. 119, рис. 10]. В этой связи нет необходимости «оспаривать» в них факт землекопного орудия [Колода, Горбаненко, 2010, с. 31]. В системе же землеобрабатывающего орудия, Б.Д. Греков считает очень вероятным у болгар, имея в виду болгар X века Поволжья, способы обработки земли при помощи тяжелых мотыг и пашенных орудий. Автор при этом ссылается на косвенные факты из письменных источников,

засвидетельствовавших встречи посольства Багдада в лице Ибн-Фадлана «хлебом, мясом, просом», являющимися главными продуктами страны болгар [Ибн-Фадлан, 1992, с. 80].

Письменные свидетельства Хазарии не конкретизируют хозяйственную специфику собственной территории, а тем более ее периферии. В них не более чем в общем виде упомянуты виноградники, сады близ городов и поля в степях, но в тоже время совершенно определенно сообщается о дани, собираемой с подчиненных каганату народов [Артамонов, 1962, с. 171]. Среди упомянутых данников названы и «булг-р», которые по данным хазар, обитают в открытой местности [Плетнева, 1976, с. 9—10]. Подобные географические привязки и население из них, вероятно, соответствуют землям периферии каганата к западу от Саркела. Несомненно, этот сельскохозяйственный район был обжит оседлым населением. Оно освоило увлажненные прибрежные террасы степных рек, задействовав их под земледелие и одновременно приселищное скотоводство.

ФАКТЫ КОНСТАТИРУЮТ

Одна из особенностей поселений степного левобережного Подонцовья — их размеры. Протяженность отдельных поселений степного левобережья Северского Донца 600—1000 м, вглубь до 200 м, площадь до 160—180 тыс. м². На правобережном Подонцовье находится Донецкий кряж, который представлен почвенными физико-геологическими условиями, существенно ограничивающими земледельческую отрасль, но способствующими хозяйству скотоводческого направления. Поселения этой части степного Подонцовья заметно меньших размеров, их площадь составляет до 30—35 тыс. м² и не превышает 50 тыс. м². Они обустроены на небольших мысах-площадках почти в поймах мелких рек среди скальных выходов кряжа из байрачных лесов. Таким образом, природно-ландшафтные условия степной части существенно определяли направления хозяйственной деятельности здешнего населения.

Обстоятельства, влияющие на отраслевую систему, как и организацию хозяйства, следует соизмерять с экономическими интересами каганата, с учетом востребованной продукции взимаемой в виде дани, о чем не умалчивают сами хазары [Артамонов, 1962, с. 172; Плетнева, 1976, с. 55—57]. Плательщиками дани, естественно, являлись не только праболгары степей, но и другие народы, обеспечивая при этом продуктовую стабильность каганата [Петрухин, 2008, с. 52—61; Калинина, 2010, с. 32]. На факты зависимости населения степного Подонцовья от хазар впервые обратил внимание И.И. Ляпушкин, однако хозяйственный потенциал его обитателей им не рассматривался [Ляпушкин, 1958, с. 140].

В раскопках, проведенных на степных поселениях, раскрыто более 110 хозяйственно-бытовых и жилых строений различного назначения, порой объединенных в комплексы из 2—3 помещений. Одни традиционно состоят из: жилищ, бытовых пристроек — кухонь, хозяйственных ям, иногда небольших производственных помещений. Другие по-настоящему комплексы, включающие такие же жилые и прочие постройки, обустроенные на некотором удалении одна от другой. Между ними намечаются незастроенные пространства, своего рода дворы.

Третьи включают в себя набор строений жилого, производственного, бытового, подсобного назначений расположенных на пространствах, площадь которых составляет порой несколько сот квадратных метров. Такие комплексы, естественно, связаны со стабильной хозяйственной инфраструктурой отдельной семьи [Красильников, 1976—1977/141, с. 161—162, рис. 55, 66, 79].

Рассматривая аналогичные комплексы поселений лесостепной части СМК находим, что в названном регионе наборы построек, в контексте хозяйственного потенциала отдельно взятой семьи, менее выразительные [Винников, 1984, с. 96—120; Винников, Плетнева, 1998, с. 158 и сл.]. Ни на городищах, ни на селищах Маяцкого, Дмитриевского, Ютановского и других значимых памятниках лесостепной СМК, даже в Саркеле, жилые и хозяйственные постройки не объединены в сколько-нибудь очевидные комплексы. Причины «умеренности» хозяйственного уклада населения лесостепной Алалии заложены в системе его формирования в условиях северо-западного пограничья Хазарского каганата, в пределах которого население выполняло в основном «служилые» обязанности [Плетнева, 1976, с. 10]. Основная занятость обитателей расселившихся вдоль пограничья связана с военным делом, о чем убедительно свидетельствуют наборы оружия, амуниции воинов, конские упряжи всадников из захоронений лесостепного Доно-Донцовья [Мерперт, 1955; Плетнева, 1989, с. 69—90; Аксенов, 1998]. Хозяйственные вопросы, в условиях определенной обеспеченности «служилого населения» провиантом, не являлись приоритетными.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ В МАТЕРИАЛАХ СТЕПНЫХ СЕЛИЩ СМК

Еще в 1960-х гг., анализируя памятники степной части СМК в бассейне реки Дон, обратили внимание на оседлость здешнего населения, постройки соответствующие отраслям хозяйства, наличие индивидуальных дворов и даже усадеб [Ляпушкин, 1958, с. 314]. Привлекли внимание и выразительные культур-

ные горизонты поселений, локальные скопления золистки, некоторые другие визуальные признаки — свидетели регулярной хозяйственной деятельности [Плетнева, 2003, с. 65].

Наглядной иллюстрацией являются памятники СМК степных массивов, в частности их поселения, суммарная исследованная площадь которых составила около 30 тыс. м². Первое, на что следует обратить внимание — состояние культурных горизонтов селищ в пределах 0,5 м, в глубинах -0,35 — 0,8—0,9 м современной поверхности. Внутри строений величина слоя заполнения варьируется и достигает 2 м в постройках, 3 и более метра в ямах-погребках, ямах зернохранилищах.

Важно обратить внимание на расположение построек. По ним определяем систему индивидуальных строений, обустройство небольших дворов, крупных подворий, хозяйственных участков, на которых сосредоточены постройки общего пользования, в том числе связанные с совместными производствами, например, гончарством [Красильников, 1976, с. 267—277; 1980, с. 60—69]. Рассмотрим объекты, непосредственно относящиеся к хозяйству.

На селищах степного Подонцовья выделяем четыре структурных хозяйственных комплекса. Первый — замкнутый, обустроен на ограниченном пространстве, с набором строений, минимум необходимых для бытовой и хозяйственной адаптации обычной малой семьи. В данном случае подразумеваем жилую и хозяйственно-бытовую системы зачастую расположенные под общим им перекрытием. Простейшие варианты, так называемых «закрытых комплексов» состоят из жилой постройки, порой почти землянки и здесь же в углах, либо в стенке хозяйственно-бытовая часть. В ней обычно хозяйственная яма, кладовая, пекарня. Общая их площадь не превышает 20—25 м².

Усложненные варианты «закрытых комплексов» предполагают дополнительные строения-пристройки (стойло, кухню, гончарную мастерскую) соединенные с жилищем с помощью переходов. Площадь комплекса возрастает до 30—35 м². Сложный вариант этих же комплексов порой состоит из нескольких частей соединенных проходами в единый комплекс с площадью до 45—50 м² [Красильников, 1976—1977/141].

Обозначенные варианты «закрытых комплексов» одинаково встречаются на каждом из селищ степной СМК и не вызывают сомнений пребывания в них отдельных семей в условиях индивидуальных хозяйств и собственности. Они не только вписываются в общую планировку селищ, но как бы растворены в системе других, более крупных, хозяйственных структур.

Вторым хозяйственным подразделением являются дворы. В отличие от «замкнутых комплексов», они, помимо жилища, включают постройки: кухню, стойло, гончарную мастерскую,

хозяйственные ямы, погреб, все это в определенном удалении от жилища. Следовательно, набор строений на ограниченном пространстве территории поселения обычно определяем понятие «двор», обеспечивающий социальную и хозяйственную адаптацию семьи в условиях сельской общины и экологической степной среды. Число построек во дворах в пределах 3—5 с общей площадью застроек от 35—40 до 60—65 м², здесь же до 200—250 м² пространства не занятые под постройки. Постройки «спланированы» таким образом, чтобы оптимально оконтурить участок и этим обозначить, как бы «закрыть» территорию двора. Иногда территорию «ограждали» каменной кладкой, состоящей из 2—3 рядов обычного природного рваного мергеля. Не исключено, что таким же приемом оконтуривали подворье. В сравнении с ограниченными вариантами строений характерными «закрытым комплексам», внутренние обустройства дворов заметно разнообразнее. Например, во дворах находились глинобитные обожженные площадки, на которых могли выполнять различные хозяйственные работы, здесь же пятна обожженности почв очагов открытого вида, обязательным компонентом дворов являются хозяйственные ямы, иногда погреба, навесы.

Наиболее крупной и сложной структурой, имевшей отношение к индивидуальному хозяйству, является «подворье» — третья структура, по существу полноценный хозяйственный комплекс. Понятие «подворье», применительно СМК, в археологической литературе не обозначено, но тогда, видимо, подразумевали «усадебь» [Плетнева, 1967, с. 68—70]. Однако это понятие, в нашем представлении отождествляется с институтом собственности а, следовательно, уже государственностью. На селищах же степной СМК, в лучшем случае, удалось проследить постройки и комплексы построек, используемые отдельной семьей в структуре сельской общины.

Под «подворьем» подразумеваем жилое строение дополненное постройками хозяйственного, производственного, бытового назначения в пределах значительного пространства. В своем комплексе они обеспечивают не только среду обитания, но и хозяйственную самостоятельность отдельной семьи, связанной с промыслами, земледелием и скотоводством. К числу оборудований, задействованных в этих отраслях, относим амбары, стойла, навесы, сушильные приспособления, площадки обмолота и другое. Утилизация зерновых продуктов осуществлялась в пекарнях, кухнях; хранение мясных припасов в погребах-холодильниках.

Особое внимание уделяли системам хранения зерна. В данном направлении наметились четыре способа. Первый — в неглубоких до 1,5 м колоколовидных ямах внутри построек, обычно в жилищах, сооруженных в сухих

плотных, буквально, заизвесткованных лессах. Второй — в ямах с навесами над ними, обеспечивающими защиту от осадков за пределами строений. Третий — на чердачном пространстве [Красильников, 1976/142, с. 1—10, рис. 3—5]. Четвертый — в корчагах, установленных в постройке типа хлев [Красильников, Тельнова, 1991, с. 14—18, рис. 29, 33].

Хлев в хозяйственной практике салтовского населения степной части не только складское помещение, но, как известно, и стойло для скота. Содержание животных в закрытых помещениях известно как в зимний, так и летний периоды. В первом случае речь идет о дополнительно обогреваемых помещениях предназначенных под содержание молодняка в холодное время года, во втором, с целью защиты его от хищников в ночное время. Чаще всего на территории подворий стойла представляли собой самостоятельные строения, хотя имеются примеры соединения их с другими постройками, например, жилищем [Красильников, 1976, с. 5—8, рис. 10—11]. Приплод животных могли содержать в одном помещении с людьми, о чем сообщают этнографические данные [Материальная культура..., 1989, с. 210—211]. Таким образом, подворье — наиболее полный комплекс разнофункциональных строений обеспечивающих стабильную и автономную хозяйственно-промысловую деятельность семьи базируемой на сельскохозяйственном потенциале. Однако размеры подворий определяют наличие, или, напротив, ограниченность свободных участков в пределах границ селищ, словом, внутриселищной плотности застроек. Обозначенные факторы прослеживаются на каждом из исследуемых нами поселений. К примеру, Давыдо-Никольское селище занимает пространство до 180 тыс. м², здесь зафиксированы, как бы хутора, удаленные один от другого на расстояние от нескольких десятков до 150 м, что побудило выделить на его пространстве так называемые участки. Конкретные данные о подворьях получены при раскрытии горизонтов СМК на участках I и IV. Исследование площади участка I составило около 800 м², участка IV 1300 м², на обоих обозначены подворья площадью 250 и 480 м² каждое.

На селищах, площади которых ограничены не только ландшафтом, но определены в основном плотностью застроек (Рогалик, Новолимаревка), подворья, как вид хозяйственного комплекса, пока не выявлены. Здесь индивидуальный хозяйственный уклад ограничен дворами, площадь которых не превышает 120—150 м², пристройки в них составляют 35—45 м².

Подворья иногда оконтурены невысокими в 2—3 ряда камней стенами, сложенными без раствора из необработанных глыб мергеля. Внутри подворий, на незанятых под строения территориях, фиксируются очаги открытого

вида дооформленные небольшими камнями, вымостки из обломков горшков, в основном корчаг, глинобитные обожженные площадки, зольники. Выявлены площадки и ямы, в которых выжигали древесный уголь, используемый в качестве топлива для манкалов, иногда жертвенники в виде частей туш животных домашнего стада. В целом же горизонт подворий насыщен остеологическими останками, развалами и отдельными фрагментами горшков, амфор, корчаг. Ссылаясь на наборы обозначенных признаков, складывается представление о том, что подворье не только отдельно обустроенный хозяйственный организм, но и семейный сакральный центр.

Подворья, естественно, не центральное и завершающее звено хозяйственных структур населения, но одно из их составляющих. Потенциальные природные ресурсы создаваемых общиной продуктов находились в расположенных вблизи приселищных зонах. Подворья в таком случае не более чем место складирования, переработки и приготовления пищи отдельной семьи. В них же функционировали промыслы, в первую очередь гончарство. Следовательно, подворья соответствуют развитому периоду СМК, определяемому второй пол. IX — первой пол. X вв. Этот период истории СМК степного Подонцовья следует обозначить как время состоявшейся оседлости [Красильников, 1981, с. 122—124].

На селище, так называемые индивидуальные семейные хозяйственные коммуникации — существуют с комплексами совместного пользования. Они зафиксированы в двух системах: специализированных хранилищах зерна, и мастерских обжига заведомо изготовленной в индивидуальных условиях посуды. Местом сосредоточения зерна являлись амбары, состоящие из нескольких зерновых ям. Как строения хозназначения, их размещали на свободных участках, но непременно в черте селищ. Ямы во внутриаамбарных пространствах обычно находятся на близком расстоянии, так что между их стенами, порой всего от 0,5 до 0,7 м. Иногда из-за обрушения перегородок две-три ямы еще в салтовское время были соединены в одну продолговатую, восьмерковидную систему. Обязательным дополнением рассматриваемых строений являются сооруженные над ними навесы а, возможно, и облегченные стены, одинаково предупреждающие проникновение осадков внутрь помещения. Количество ям средних (2—3 м³) и крупных (5—7 м³) объемов в такой постройке в пределах от 4 до 10, следовательно, их суммарный объем составляет от 12 до 30—35 и более метров кубических. Ссылаясь на данные зернохранилищ, инструментария зерноуборки (серпы, фрагменты кос), зерносушильных жаровен, зерноперерабатывающих жерновов, печей-тандыров предназначенных для выпечки хлебопродуктов, можем сделать заключение о

значительной роли на этой территории СМК зернопроизводства. Из всей серии источников наиболее существенными на наш взгляд следует назвать зерновые ямы, предназначенные под продолжительное межсезонное хранение зерна. Ямы-зерновики сооружены в плотных лессовых почвах, в верхней части они цилиндрические, книзу расширяющиеся в форме конуса или колокола, их глубины колеблются от 1,8 до 3,5 м при диаметрах у дна от 1,5 до 2,5 м. Масса зерна необходимого для заполнения ямы с объемом 5—8 м³, с учетом веса в 1 м³ около 750—770 кг, могла составить 3,5—5,5 тонны. Учитывая, что амбарные комплексы Рогалика, Новолиमारевки состоят из 4—6 и более ям следует, что при одновременном их заполнении в каждом амбаре могло храниться до 15—20 тонн зерна. Рядом с амбарами, но уже за их «стенами» находятся ямы с объемами 1,5—2 м³. Такие же ямы или еще меньших объемов находятся в жилищах и пристройках к ним, во дворах и подворьях. В 3—4 ямах суммарная масса одновременного заполнения могла составить от 3 до 4,5 тонн. Примерно столько зерна необходимо для обеспечения семьи из 6—8 человек на годовой период полеводческого межсезонья.

Таким образом, на степных селищах в основном прослежены системы хранения зерна в ямах, обустроенных при постройках или внутри их, то есть во дворах, подворьях и специальных амбарах. Амбарные методы средоточения зерна не только показатели уровня сельского хозяйства, но и индикаторы положения населения вовлеченного в экономическую систему Хазарского каганата.

Амбарный способ, обеспечивающий концентрацию и сохранение зерна, выявлен на двух крупных селищах степного Подонцовья — Новолимаревка, Рогалик. Есть основания полагать, что и другие поселки такого типа являлись центрами сбора и временного хранения зерна до отправки его в форме дани в хазарские центры-города, каким мог быть Саркел, расположенный в 250 км к востоку. Сбор, вероятнее всего, осуществляла сама община посредством круговой поруки. В этой связи определенный объем зерна вносило не только население конкретного селища, но и обитатели окрестных поселков одинаково занятых сельским хозяйством в пределах так называемых «потенциально-ресурсных земледелию приселищных зон» [Колода, Горбаненко, 2010, с. 61, 77, 94 и др.].

Определенную часть зерна, как необходимый продукт, оставляли в семьях, поэтому множество различной величины ям расчищенных на всех без исключения степных селищах вполне объяснимо. В этой связи опять же показательны данные раскопок поселения Давыдо-Никольское на Северском Донце [Красильников, Красильникова, 2009, с. 16—25, рис. 55, 66, 79]. Южная окраина огромного селища расположена на мысообразной площадке около 3 тыс. м²,

заключенной между оврагами. В восточной части мыса на площади 600 м² помимо жилых построек выявлены участки, занятые под хозяйственные системы — подворья, дворы. Особенно в этом случае привлекают 19 ям расположенные полукругом на расстоянии 4—7 м от постройки хозяйственного назначения. Размеры и объемы ям различные в пределах от 0,5 до 3 м³. Неодинаковы их формы — в одних случаях они цилиндрические, в других, обычно более крупные ямы, колоколовидные. На дне ям остатки органики (полова), злаков (просо, ячмень). Над частью близко расположенных между собой ям, видимо, был навес, от которого зафиксированы ямки опорных столбов.

Жилые постройки находятся в 10—15 м к западу от этого хозяйственного участка, четвертая, с северной стороны, ближе других примыкает к участку, но большая ее часть разрушена оврагом. Центральным звеном подворья здесь явились не жилища, а строение в виде глубокой полуземлянки квадратной формы. В нем зафиксированы признаки перестройки в направлении увеличения площади и углубленности. Предметные представления о его назначении не определены, но по имеющимся признакам отнести их к числу жилищ нельзя. Вокруг рассматриваемой постройки в западном и южном направлениях от нее сооружена серия обычных хозяйственных и специальных зерновых ям. Часть из них, близко обустроенные между собой, видимо, имели общее накрытие и уже этим напоминали амбарную систему, такую же как на Рогалике, в Новолимаревке. Остальная серия различных по объему и формам отдельно отстроенных ям, видимо, связана с системой индивидуального пользования семьями. В этой связи очевидна ситуация, при которой на одном пространстве сосуществуют две системы собственности с равным правом на часть территории общего им пространства, обеспечивая при этом и общую заботу по защите и неприкосновенности к содержимому в ямах зерну.

Для более полной идентификации хозяйства населения следует затронуть скотоводческую отрасль. Признаки этого направления хозяйства, прежде всего в находках остеологического содержания. По ним прослеживаются тенденции преобладания мелких животных домашнего стада над крупными, а также незначительное количество костей лошадей и дикой фауны, в основном кабаны. Для обозначения состава животных и систем содержания важную информацию «оставили» постройки-стойла, предназначенные для временного, в основном в холодное время года, содержания молодняка (ягнят, козлят, телят). Стойла обнаружены на всех поселениях, им характерны: прямоугольная удлиненность, наземность, или углубленность не более 0,3—0,5 м, площадь в пределах 15—20 м². Внутри их обустроены кормушки, сточные каналы, очаги обогрева. Среднее чис-

ло животных в стойлах, видимо, не превышало 10—13 до 15 особей. Судя по размещению стойл у жилых построек, либо в структуре подворий, их, видимо, следует относить к числу приспособлений обеспечивающих функционирование индивидуальных хозяйств, в системе одной или нескольких небольших семей. Загонов и построек, рассчитанных на содержание значительного поголовья, не прослеживаем.

За пределами жилой части селища, или как минимум на его окраинах, обустраивали гончарные мастерские, в которых осуществлялся обжиг серии посуды [Красильников, 1976, с. 267—277; 1980, с. 60—69]. Практика создания специализированных гончарных «хуторов» известна на Маяцком комплексе [Плетнева, Красильников, 1990, с. 92 и сл.] и других аналогичных по обустройству и синхронных по времени мастерских болгар далеко за пределами степей.

Итак, бытовой, производственный, хозяйственный потенциал населения степной части СМК сосредотачивался как в индивидуальных, так и коллективных структурах. Производимое общиной или отдельными ее группами, семьями, словом, членами сообщества зерно, как необходимый провиант существования самой общины, одновременно являлось данью, которую в определенном объеме надлежало сдать хазарской администрации [Коковцев, 1932, с. 63—64]. Дань «полюдь» являлась одной из реальных и стабильных статей хазарской экономики, создаваемой земледельческо-скотоводческой отраслью периферий каганата. В этой связи, казалось бы хозяйственно развитый степной регион Подонцовья вряд ли пребывал во внутреннем расцвете, так как основная масса прибавочного продукта, столь необходимого для развития, в виде дани уходила на обеспечение той части населения Хазарии, которая состояла на службе, в том числе северо-западного славяно-хазарского пограничья. Поэтому при анализе экономики Хазарского каганата в целом следует сослаться на мнение Т.М. Калининой о необходимости выявить состояние хозяйства каждого региона, входившего в его состав [Калинина, 2010, с. 32].

Аксенов В.С. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры // Вісник ХДУ. — 1998. — № 413.

Артамонов М.И. Саркел — Белая Вежа // МИА. — 1958. — № 62.

Артамонов М.И. История хазар. — Л., 1962.

Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. — 1984. — С. 95—135.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. — Воронеж, 1998.

Ибн-Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на р. Итиль — Москва; Казань, 1992.

Калинина Т.М. Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары миф и история. — 2010.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л., 1932.

Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К., 2010.

Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. — 1976. — № 3. — С. 267—277.

Красильников К.И. Отчет о работах на селище СМК у села Петровка (Роголик) Станично-Луганского района Ворошиловградской области в 1977г. // НА ІА НАН України. — 1976/142.

Красильников К.И. Отчет о проведении археологических работ селища СМК у с. Новолимаревка Беловодского района Ворошиловградской области в 1976 г. // НА ІА НАН України. — 1976—1977/141.

Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. — 1980. — Вып. 160. — С. 60—69.

Красильников К.И. Возникновение оседлости // СА. — 1981. — № 4. — С. 110—125.

Красильников К.И., Тельнова Л.И. Отчет о проведении спасательных работ на поселении СМК у пгт. Петровка Станично-Луганского района Луганской области // НА ІА НАН України. — 1991.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Отчет о проведении раскопок на селище СМК у с. Давыдо-Никольское Луганской области в 2009 г. // НА ІА НАН України. — 2010.

Ляпушкин И.И. Карнауховское поселение // МИА. — 1958. — № 62. — С. 263—314.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. — 1958. — № 62. — С. 85—150.

Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. — М., 1989. — Вып. 3.

Мерперт Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. — 1955. — № 23.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985.

Петрухин В.Я. Славянские данники хазар: к истории Восточной Европы в IX веке // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. — Воронеж, 2008.

Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142.

Плетнева С.А. Хазары. — М., 1976.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. — Воронеж, 2003.

Плетнева С.А., Красильников К.И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. — М., 1990.

*О. К. Апареева,
К. И. Красильников*

ПОДВІР'Я ЯК ОЗНАКА ГОСПОДАР- ЧОГО УКЛАДУ НАСЕЛЕННЯ САЛТОВО-МАЯЦЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Характеризуючи господарчий устрій населення СМК зазвичай розглядають галузі землеробства, скотарства, ремісництва, промислів. Писемні свідчення не позначають господарчу специфіку Хазарії, тим більше її периферії. Однак дані археологічних досліджень — селищ степової частини СМК — констатують факти різниці поселень, різноманітності будівель, наявність господарчо-побутових комплексів. Слід зауважити що господарчі структури сільських общин визначаються як невеликими індивідуальними будівлями, значними дворами, крупними подвір'ями, так і ділянками колективного статусу.

У господарчій інфраструктурі населення IX—X ст. входять: житло, побутові будівлі, господарчі ями, стійла, погріб, амбар, прилади щодо зберігання та утилізації продуктів тощо. Господарство степової СМК в основному зерновиробного напрямлення, продукція якого одночасно була данню каганату.

*E. K. Aпареева,
K. I. Kрасильников*

HOMESTEADS AS THE SIGN OF HOUSEHOLD ORGANIZATION OF SMC POPULATION

Characterizing the household organization of SMC population the following branches are usually considered: farming, cattle breeding, handicraft, domestic craft industry. The written evidences do not also reflect the specific character of khazar economic way of life, moreover of its periphery. However, the data of archaeological investigations of settlements in the steppe part of SMC establish the facts of their difference, the diversity of dwellings, the existence of household complexes. In particular, the household structures of village communities are presented both by small individual dwellings, big yards, large homesteads and by the collective plots. The population household infrastructures of the IX—X centuries include: dwellings, household structures, household pits, stalls and boxes; cellars, barns, facilities for foodstuffs storage and utilization etc. The steppe SMC household is mainly of grain producing character. Its production was Khaganate's contribution as well.